

Бо Цзянь поднял взгляд:

— И это ты называешь «не боюсь»?

Его рука, которую удерживал Цзян Хуай, слегка повернулась, ладонь прижалась к ладони... Словно они переплели пальцы.

— Ты так боишься близкого телесного контакта со мной? — спросил он.

Он смотрел на Цзян Хуая с небывалой прежде серьезностью:

— Почему ты боишься прикоснуться ко мне?

Цзян Хуай окаменел от шейных позвонков до самого копчика. Он не стал отдергивать руку. Правая ладонь Бо Цзяня, сжимавшая его руку, была такой же сухой и теплой. И только у него самого ладонь давно уже покрылась холодным потом и остыла на ветру.

Почему он боится прикоснуться к Бо Цзяню?

Нет, он не боится.

Напротив, он очень, безумно, безумно хочет этого. Хочет как можно ближе быть к Бо Цзяню.

Он боится лишь одного: что Бо Цзяню это не понравится. Не понравятся его прикосновения... и он сам.

Ведь Цзян Хуай хоть немного, совсем чуть-чуть, но... симпатизировал Бо Цзяню.

Ответ напрашивался сам собой.

Цзян Хуай молчал, но лицо его выглядело неважно.

Бо Цзянь тихо вздохнул.

«Чурбан», — подумал он. Не хочет признаться в симпатии... Даже если бы солгал, а потом, придя в себя, пожалел об этом — пусть бы просто покорно произнес, что любит, и то было бы хорошо.

Но Бо Цзянь понимал: будь Цзян Хуай таким послушным, он не был бы этим упрямым чурбаном.

Он опустил взгляд на Цзян Хуая. Тот смотрел крайне недружелюбно, однако по его блуждающему взгляду легко угадывалось, что парень витает где-то далеко в облаках и полностью погрузился в свои мысли.

Бо Цзяню безумно захотелось больно укусить Цзян Хуая, чтобы вернуть его внимание к себе.

— Цзян Хуай, — позвал он.

Цзян Хуай вздрогнул, возвращаясь к реальности:

— А?

— ...

Бо Цзянь помолчал пару секунд. Глядя на него сверху вниз, он мягко и тихо произнес:

— Если ты боишься, что в период временной метки твоя реакция на меня будет слишком сильной... можешь сначала попробовать привыкнуть ко мне.

Цзян Хуай не понял и нахмурился:

— О чем ты?

Бо Цзянь наклонился, встречаясь с ним взглядом. Цзян Хуай откинул голову назад, с глухим «бум» ударившись затылком о дверное полотно, но даже не шелохнулся. Прежде чем он успел что-либо сказать, Бо Цзянь шепнул ему прямо на ухо:

— Привыкни к моим феромонам.

Каждый вдох Бо Цзяня обжигал ушную раковину Цзян Хуая.

Сердце пропустило удар. Цзян Хуай уперся ладонью в плечо Бо Цзяня:

— погоди, ты сначала...

— Если мои феромоны вызывают у тебя дискомфорт, — проговорил Бо Цзянь, — привыкни к ним, и дискомфорт уйдет.

Каждое слово, сказанное им — произнесенное сдержанным, благородным тоном — звучало в ушах Цзян Хуая как откровенное, бесстыдное искушение.

— Привыкнешь, и все станет хорошо. Цзян Хуай, не бойся.

— Для начала попробуй обнять меня, — добавил Бо Цзянь.

Цзян Хуай мгновенно лишился дара речи. Он не мог вымолвить ни слова, чувствуя только, как бешено колотится сердце в груди.

Голос Бо Цзяня звучал совсем тихо, едва слышно — Цзян Хуаю даже показалось, что это лишь слуховая галлюцинация:

— Цзян Хуай, обними меня.

Цзян Хуай прижимался спиной к двери, его ладони сплошь покрылись потом. Веки слегка подрагивали, когда он зажмурился. Температура тела Бо Цзяня была выше, чем у него; тот мягко обнял Цзян Хуая за талию и слегка потерся подбородком о его шею.

Тыльная сторона ладони Цзян Хуая напряглась, пальцы сжали подол ветровки Бо Цзяня.

Прохладный, терпкий запах свежих листьев и травы поднялся в воздухе, плотным коконом окутывая Цзян Хуая. Но этот холод был обманчив: кожа казалась прохладной, однако плоть и кровь под ней пылали, туманя разум.

Бо Цзянь обнимал Цзян Хуая. Ему хотелось большего: его губы еле ощутимо касались шеи юноши.

— Если станет неприятно, скажи мне, — тихо произнес он.

Цзян Хуай затих как никогда прежде, даже дыхание сдерживая в груди.

Запах феромонов становился все гуще, постепенно обнажая за ложной оболочкой истинную природу Альфы — властную и обладающую неукротимым инстинктом захватчика.

Бо Цзянь крепче сжал талию Цзян Хуая. Стоял ноябрь, и Цзян Хуай был одет лишь в тонкое худи. Согнутые костяшки пальцев Бо Цзяня сквозь ткань толстовки медленно скользили вверх по его позвоночнику.

В голове у Цзян Хуая царила полная пустота.

Пока он не почувствовал, как к его шее прикоснулось что-то влажное и мягкое. Натянутые струной нервы Цзян Хуая мгновенно лопнули.

Нежные поцелуи один за другим посыпались на плечи и шею. Опустив голову, Бо Цзянь — чьи ладони тоже покрыла легкая испарина — влажно припал губами к его кадыку. Цзян Хуай послушно стоял, прислонившись к двери. Он замер с помутившимся взглядом и дрожащими веками, насквозь пропитанный его феромонами, и лишь молча смотрел на Бо Цзяня с покрасневшими уголками глаз.

Мозг Цзян Хуая напоминал процессор, сгоревший от перегрузки феромонами.

Бо Цзянь никогда раньше не давил на Цзян Хуая феромонами. Это было впервые.

В голове образовался абсолютно чистый лист.

Осталась лишь одна-единственная мысль... ответить ему. Но Цзян Хуай не мог разобрать, подсказана ли она феромонами или же идет из самых глубин его собственного «я».

Бо Цзянь тихо спросил:

— Поделишься со мной и своими феромонами?

Остатки разума шептали Цзян Хуаю, что ситуация вышла из-под контроля, превратившись в какой-то полный пиздец, и разрулить ее теперь будет чертовски непросто. Ему следовало бы оттолкнуть Бо Цзяня, выйти на улицу и дать прохладному ветру градусов в одиннадцать-двенадцать остудить их обоих.

Он уставился на Бо Цзяня. Спустя мгновение взял его за подбородок, коротко клюнул в губы и, опустив веки, прошептал:

— Укуси меня.

Цзян Хуай сидел на подоконнике, подогнув ноги. Окно было распахнуто настежь, и холодный сквозняк со свистом врвался в кабинет для экзаменов. Затянувшись сигаретой, юноша повернул голову к окну: день выдался туманным, белесое небо наводило тоску и холод.

Едкий сигаретный дым немного заглушал запах феромонов Бо Цзяня.

Цзян Хуай молчал уже минут десять.

Бо Цзянь стоял у учительской трибуны, между ними было метров шесть-семь. Председатель Бо небрежно перелистал лежавший на столе список рассадки на пробном экзамене и поднял взгляд:

— Пожалел?

Цзян Хуай повернул голову, задерживая взгляд на председателе Бо ровно на полсекунды, и снова уставился в окно с сигаретой в зубах.

Признаться в том, что сейчас он судорожно соображает, как, черт возьми, теперь разругивать эту ситуацию и расплачиваться за собственную юношескую импульсивность, Цзян Хуай ни за что бы не стал. Поцеловал сам, временную метку попросил сам... С какого перепугу ему теперь возмущаться?

Полный пиздец.

Цзян Хуай рассчитывал подождать хотя бы до выходных, а в итоге облажался прямо сегодня. И что тут скажешь?

Скажет, что он молод и не устоял перед соблазном?

Если прикосновение губ к губам считается поцелуем, то он целовался с Бо Цзянем уже дважды, причем в обоих случаях сам навязался. Цзян Хуай раздраженно цыкнул и стряхнул пепел:

— Я никогда ни о чем не жалею.

Бо Цзянь сошел с трибуны и плавно произнес:

— О-о, получил временную метку и сразу охладел... А я уж было подумал, что ты пожалел.

Слова председателя Бо прозвучали до того паршиво, словно Цзян Хуай — какой-то подонок, бросающий партнеров сразу после использования. Он бросил на председателя Бо ледяной взгляд:

— Я думаю о том, как мне теперь возвращаться в класс.

На толстовке Цзян Хуая сегодня был капюшон, но старина Линь запрещал сидеть на уроках в капюшоне. Да если бы и разрешил — надень он его на весь день, а ну как тот случайно сползет?

Бо Цзянь подошел к Цзян Хуаю, его взгляд скользнул по укусу на зашивке. Из кармана школьной формы он неторопливо извлек розоватую упаковку:

— Наклеишь?

Цзян Хуай опустил глаза... Это был тот самый пластырь-блокатор для Омег со вкусом клубничного зефира, который Бо Цзянь сегодня купил в магазине. От таких идиотских пластырей, которые клеятся прямо на железо, толку на самом деле было немного — чисто физическое перебивание запаха, чтобы скрыть феромоны Омegi. Однако из-за милого девичьего дизайна многие Омegi носили их просто ради забавы.

Но чтобы Цзян Хуай нацепил такую дрянь себе на шею? Ему что, больше всех надо, чтобы окружающие окончательно окрестили его Омegой?

Цзян Хуай чуть приподнял веки и хмуро спросил:

— Только не говори, мать твою, что ты еще в магазине спланировал поставить мне метку.

Председатель Бо опустил глаза с самым невинным видом:

— Вовсе нет. Ты ведь сам видел, я взял первое, что попало под руку.

Цзян Хуай нахмурился и с досадой сделал глоток кофе. Он покупал его, чтобы взбодриться на уроках, но теперь кофе оказался ни к чему.

— Не нужно. Оставь себе на память.

Бо Цзянь ненадолго задумался:

— А если я наклею его вместе с тобой?

Цзян Хуай вскинул голову:

— ??

— Если тебе неловко клеить его в одиночку, я могу составить компанию, — с непринужденным видом произнес Бо Цзянь. — Никто не подумает, что ты Омега, только из-за того, что ты наклеил пластырь-блокатор для Омег.

Цзян Хуай погрузился в тишину на пару секунд:

— Зато все решат, что ты извращенец, раз напялил пластырь-блокатор для Омег.

Бо Цзянь:

— ...

Цзян Хуай бросил еще один взгляд на упаковку:

— Извращенец со вкусом клубничного зефира.

— ...

<http://bllate.org/book/18377/1766602>